

ДЮРИНГ – ИДЕЙНЫЙ ОСНОВАТЕЛЬ СССР

Борис Ихлов

Энгельс в своей книге «Антидюринг» допускает ряд ошибок: например, справедливо критикуя обоснование Дюринга начала мира во времени ссылкой на противоречивость понятия времени, он заранее отвергает то, что временная форма существования материи – лишь форма, и она пресуществляется. То есть: из «отсутствия» движения может всё таки возникать движение. В сингулярном состоянии понятия времени и пространства теряют смысл, имеют смысл квантовые флуктуации, которые вместе со спонтанным нарушением симметрии и играют роль первотолчка. Именно поэтому Стивен Хокинг пришел к выводу, что для объяснения мира не нужно привлекать версию бога.

Энгельс ловит Дюринга на воровстве у Гегеля формулировки о переходе количества в качество, у Канта - одной половинки антиномии о начале мира во времени, но упускает из виду другое воровство. Говоря у двух мужах, насильственно поработанном и поработавшем, Дюринг копирует схему у того же Гегеля, который делит мир на благородных тимотических воинов, которые рискуют жизнью, и тех, кто им сдается и соглашается быть рабом, в терминах Новодворской – на винеров и лузеров.

Примеры противоречивости в математике, которые приводит Энгельс, не всегда адекватны, он не хочет видеть эмпирического происхождения понимания того, что часть меньше целого (на это указывает Локк), он предлагает считать белок уже отчасти живым, не понимая, что жизнь – это системный и популяционный феномен, и т.д. Энгельс пишет так, будто бы капитализм уже отрицает себя, а общество уже готово к социализму: «... производительные силы, порождённые современным капиталистическим способом производства, так и созданная им система распределения благ, пришли в вопиющее противоречие с самим этим способом производства, и притом в такой степени, что должен произойти переворот в способе производства и распределения, устраняющий все классовые различия, чтобы всё современное общество не оказалось обречённым на гибель». Причем капиталистическое «общество мчится навстречу гибели, как локомотив» («Антидюринг», ПСС, М., Госполитиздат, 1961, Т. 20, С. 162).

Дюринг пишет: «Маркс в своих рассуждениях о стоимости не может отделаться от мелькающего на заднем плане призрака квалифицированного рабочего времени. Быть радикальным в этом направлении ему помешал унаследованный им способ мышления образованных классов, которому должно казаться чудовищным признание, что само по себе рабочее время тачечника и рабочее время архитектора экономически совершенно равноценны».

Дюринг пишет глупость, но Энгельс, цитируя Маркса, отвечает не точно: «Маркс исследует, чем определяется стоимость *товаров*, и отвечает: содержащимся в них человеческим трудом. Последний, продолжает он, «есть расходование простой рабочей силы, которой в среднем обладает телесный организм каждого обыкновенного человека, не отличающегося особым развитием... Сравнительно сложный труд означает только возведённый в степень или, скорее, помноженный простой труд, так что меньшее количество сложного труда равняется большему количеству простого. Опыт показывает, что такое сведение сложного труда к простому совершается постоянно. Товар может быть продуктом самого сложного труда, но его стоимость делает его равным продукту простого труда, и, следовательно, сама представляет лишь определённое количество простого труда. Различные пропорции, в которых различные виды труда сводятся к простому труду как к единице их измерения, устанавливаются общественным процессом за спиной производителей и потому кажутся последним установленными обычаем»... не всякий труд представляет собой всего лишь расходование простой человеческой рабочей силы: очень многие виды труда заключают в себе применение навыков или знаний, приобретённых с большей или меньшей затратой сил, времени и денег. Создают ли эти виды сложного труда в равные промежутки времени такую же товарную стоимость, как и труд простой, как расходование всего лишь простой рабочей силы? Ясно, что нет. Продукт часа сложного труда представляет собой товар более высокой, двойной или тройной, стоимости по сравнению с продуктом часа простого труда. Посредством этого сравнения стоимость продуктов сложного труда выражается в определённых количествах простого труда, но это сведение сложного труда к простому совершается путём определённого общественного процесса за спиной производителей»

С другой стороны, «речь идёт не о *заработной плате* -, или стоимости, которую рабочий *получает* -, например, за один рабочий день, а о *стоимости товаров* -, в которой *овеществляется* - его рабочий день»... труд *не может* иметь никакой стоимости» (Там же. С. 204-206).

То есть: как бы ни скакали поборники получения рабочим полного или «неурезанного трудового дохода» или оплаты по трудолюбию, при капитализме все получают не по живому труду, а по овеществленному.

Казалось бы, дело ясное: есть тарифные сетки, которые сами являются усреднением разных квалифицированных рабочих примерно одного уровня, то есть, и их рабочая сила продается по **данной** стоимости. Но Дюринг указывает на не просто квалифицированную рабочую силу, а на ненавистного интеллигента-архитектора. С тем же успехом он мог бы указать на Петра Капицу, Блохинцева или Менделеева, труд которых в принципе нельзя

получить умножением простого труда. Энгельс здесь забывает и о переходе количества в качество, и об особом, «всеобщем» труде, о котором писал Маркс, и о необходимости преодоления старого общественного труда на умственный и физический. Энгельс действительно не понимает, потому что в качестве преодоления старого общественного разделения труда предлагает перемену труда: архитектор меняется с тачечником. Эта схема дает эффект при регулярной смене одного простого труда на другой простой труд, но невыполнима для тачечника на посту архитектора. Для архитектора же невыполнимым оказывается труд, например, слесаря-профессионала. Однако товарно-денежные отношения из любого вида продукта труда делают товар, хоть из научных открытий, хоть из полотен живописи, поэм или сонат, соответственно определяя их грубейшим образом и стоимость «рабочей силы». И, что самое поразительное, система в СССР следовала не Марксу с Энгельсом, а именно Дюрингу. И вот как это происходило: скажем, инженеры разработали новое оборудование с большей производительностью труда. Рабочих обучили работать на этом оборудовании. То есть: повышали потребительную стоимость их рабочей силы. С новым оборудованием за прежнее рабочее время можно было сделать больше товара. Казалось бы, следуя Марксу-Энгельсу, рабочим должны подкинуть к зарплате, увеличить меновую стоимость их рабочей силы. А им вместо этого срезали расценки (Ю. Румянцев, Зеленогорск, 1989). Да здравствует Дюринг!

Как же реагировали рабочие? Открываем советскую прессу и смотрим: рабочие повсеместно ломали новое оборудование, переходили на старое, приводя в соответствие потребительную стоимость рабочей силы с ее - срезанной до уровня старой - меновой стоимостью.

Отметим сразу два важнейших момента.

1) В любой капиталистической стране происходит **то же самое**. Только расценки срезает не администрация, а рынок. И так: в СССР – то же, что и в капиталистических странах.

2) В СССР в отношении такого товара, как рабочая сила, действовал вполне капиталистический закон стоимости, хотя Сталин в брошюре 1953 года «Экономические проблемы социализма» врал, что это не так. Как называется способ производства, при котором рабочая сила становится товаром? – Правильно, капитализм.

И добавим к этому еще третий момент, который отмечен в «Антидюринге»: «... планомерная организация оказалась могущественнее стихийно сложившегося разделения труда; на фабриках, применявших общественный труд, изготовление продуктов обходилось дешевле, чем у разрозненных мелких производителей» ((«Антидюринг», ПСС, М., Госполитиздат, 1961, Т. 20, С. 281).

То есть: план – это завоевание капитализма.

В то же время Энгельс забывает о противоречии между умственным и физическим трудом и тогда, когда рисует биографию великого Оуэна: «... если бы г-н Дюринг хотя бы держал в руках «Книгу о новом нравственном мире» Оуэна, то он нашёл бы в этой книге не только прямую формулировку самого решительного коммунизма, с равной для всех обязанностью труда и равным правом на продукт, — равным соответственно возрасту, как всегда прибавляет Оуэн, — но нашёл бы там и вполне разработанный проект здания для коммунистической общины будущего, с планом, фасадом и видом с высоты птичьего полёта» (Там же. С. 276).

То есть, для Энгельса коммунизм – это всего лишь обязанность трудиться и равное право на продукт, речи о собственности рабочих на средства производства нет, лишь о сфере распределения продуктов. Что касается обязанности трудиться. В капиталистической Японии на одном из заводов некий рабочий провинился. Ему соорудили будку на территории завода, он был обязан проводить в ней все рабочее время, не работая. Ему исправно платили зарплату. Через несколько месяцев он повесился.

До развала СССР в Японии существовал институт пожизненного найма, когда в 2000-м грянула 5%-я безработица, это стало шоком для японцев. При этом никто Японию ни коммунистической, ни даже социалистической не называет.

Н главная ошибка Энгельса в другом. *«Пролетариат берёт государственную власть, - пишет он, - и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность.* Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство» (Там же. С. 292).

Точно так же полагал первоначально и Ленин. Однако взятие власти вовсе не устраняет классовые различия. Как говорил Марк Твен: «Я понимаю, что умственный труд тоже вызывает пот, но я ни за какие блага в мире не соглашусь махать кайлом хотя бы месяц». Общество делится на классы вследствие старого общественного разделения труда, в первую очередь, на труд умственный и физический.

Чтобы уничтожить классы, нужно уничтожить это разделение, снять противоречие между трудом умственным и физическим. Если ограничиться только взятием власти и уничтожением одной стороны общественного конфликта, буржуазии, то рабочий класс из своей же среды воссоздаст эту буржуазию. Что мы отчетливо разглядели в 1991 году.

Причем Энгельс сам выражает и своему образу социализма как о равном праве на продукты, и собственной формулировке о взятии власти: «Во всяком обществе со стихийно сложившимся развитием производства... не производители господствуют над средствами производства, а средства производства господствуют над производителями. В таком обществе каждый новый рычаг производства необходимо превращается в новое средство порабощения производителей средствами производства. Сказанное относится прежде всего к тому рычагу производства, который вплоть до возникновения крупной промышленности был наиболее

могущественным, — к разделению труда.... «Мануфактура уродует рабочего, искусственно культивируя в нём одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований... Сам индивидуум разделяется, превращается в автоматическое орудие данной частичной работы (Маркс)...

Пожизненная специальность — управлять частичным орудием, превращается в пожизненную специальность — служить частичной машине. Машиной злоупотребляют для того, чтобы самого рабочего превратить с детского возраста в часть частичной машины» (Маркс)» (Там же. С. 304)

«... дюринговская политическая экономия, - пишет далее Энгельс, - сводится к положению: капиталистический способ *производства* вполне хорош и может быть сохранён, но капиталистический способ *распределения* — от лукавого, и он должен исчезнуть».

Если этот фрагмент оставить главным, можно забыть про эпизод с архитектором и про исчезновение пролетариата путем взятия власти.

В принципе в данной книге Энгельса содержится масса полезных вещей.

Один из членов нашего Союза коммунистов (впоследствии объединение «Рабочий»), радиохимик, сначала работал в университете, потом на заводе, на собрании трудового коллектива начал задавать вопросы гендиректору завода. Гендиректор отвечал, наш уточнял... В конце наш спросил: "Это и есть, по-Вашему, социализм?" Гендиректор отвечал: "Да, конечно!" И наш ткнул его носом: "Поздравляю, Вы ратуете за социализм по Дюрингу".

Дело в том, что гендиректор объявил, что если собственность на средства производства становится государственной, то это и будет социализм, общество, устроенное по принципу справедливости. Энгельс в «Антидюринге» объясняет, что государственная собственность – точно такая же частная, это всеобщая форма частной собственности: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмёт оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наёмными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются...» (Там же. С. 291) Еще: «... хозяйственная коммуна распоряжается своими средствами труда в целях производства. Как же идёт это производство? Если судить по тому, что сообщает нам г-н Дюринг, оно идёт совсем по-старому, с той только разницей, что место капиталиста заняла теперь коммуна» (Там же. С. 302).

И как раз Дюринг и утверждал, что социализм коренится в «универсальном принципе справедливости» (Там же. С. 297). Не забудем и Делягина, и всех господ националистов, которые объявляют единственно справедливым русский народ.

Ну, и самая замечательная фраза Дюринга, в которой, как в зеркале, весь СССР: «Принципиальное равенство прав в экономической области не исключает того, что наряду с удовлетворением требований справедливости будет иметь место ещё *добровольное* выражение особой признательности и почёта... Общество *делает самому себе честь*, когда отмечает высшие виды деятельности, предоставляя *им умеренную прибавку* для нужд потребления» (Там же. С. 313).

Конечно, господин советский гендиректор согласен!

И кто, как не гендиректора, есть лицо, квинтэссенция способа производства в СССР.

Вы будете смеяться, но сразу после этого случая из пермских книжных магазинов исчез «Антидюринг», хотя до этого данной книги Энгельса было хоть пруд пруди.

Нет, конечно, невозможно одного-единственного человека признавать идейным основателем. Скажем, идея Сен-Симона, что все люди должны работать. А если взять пример массового осеннего выезда на поля научных работников в помощь колхозникам, это чисто по книге «Город Солнца» Томаззо Кампанеллы.

Но у нас несколько иной разговор.

В среде людей, почитывающих труды Маркса и Энгельса, есть деятели, которые, плохо поняв содержание этих трудов, ищут в них обоснование своих вполне мелкобуржуазных позиций.

Вот типичная статейка под названием «Джон Брей – идейный основатель СССР».

«О Р. Оуэне, Д. Брее, Е. Дюринге, П. Прудоне и прочих утопистах мы можем узнать из работ Маркса и Энгельса. Оуэн - английский социал-утопист, 1771-1858 гг. «Оуэн не только проповедовал «решительный коммунизм», но он также проводил его на практике в течение 5 лет (в конце 30-х и начале 40-х годов) в колонии Harmony Hall, в Гэмпшире, где коммунизм не оставлял желать ничего в смысле решительности. Я лично знал некоторых бывших участников этого образцового коммунистического эксперимента...» (Ф. Энгельс «Анти – Дюринг», Отдел III, Социализм, глава 1 Исторический очерк. М., политиздат, 1988, с. 268-269.)

«Самым активным соратником и вдохновителем оуэновских коммун был Джон Фрэнсис Брей (1809-1897 гг.) – английский экономист, социал-утопист, последователь Оуэна, типографский рабочий» (К. Маркс. Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» г-на Прудона. Указатель имен. М., политиздат, 1987, с. 169.).

В 1839 г. в Лидсе (Англия) вышло его замечательное произведение «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению». Маркс в «Философии нищеты» привел главнейшие места из этого произведения, так как считал, что в нем содержится ключ «ко всем прошлым и будущим сочинениям г-на Прудона».

«П. Ж. Прудон (1809-1865) - французский публицист, экономист, мелкобуржуазный социалист, один из родоначальников анархизма» (Там же, с. 171). Вот выдержки из работы Брея: «... не только все люди должны трудиться и таким образом достигать возможности обмениваться, но обмениваться должны равные стоимости на равные же стоимости... чтобы прибыль одного не могла составить потери для другого, стоимость должна определяться издержками производства. Мы видели, однако, что при существующем общественном строе прибыль капиталиста и богача всегда является потерей для рабочего, что этот результат неизбежен и что при всех формах правления бедный всецело будет отдан на произвол богатого, пока сохранится неравенство обмена... Принцип равенства обмена должен, следовательно, по своей природе привести к тому, что труд станет всеобщим... необходима была бы лишь самая простая форма кооперации... Издержки производства... определяли бы стоимость продукта, и равные стоимости всегда обменивались бы на равные стоимости. Если из двух лиц одно работало неделю, а другое половину недели, вознаграждение первого вдвое превышало бы вознаграждение второго; но этот излишек не был бы получен одним за счет другого: потеря, понесенная последним, никоим образом не пошла бы на пользу первому. Каждый обменивал бы полученную им лично заработную плату на предметы одинаковой с ней стоимости и прибыль, полученная каким-нибудь лицом или какой-нибудь отраслью производства, не составляла бы потери для другого человека или для другой отрасли производства. Труд каждого... был бы единственной мерой его прибыли или его потерь... Количество... нужных для потребления продуктов, относительная стоимость каждого предмета по сравнению с другими... все, относящееся к общественному производству и распределению, определялось бы при помощи центральных и местных контор... В применении к целой нации эти расчеты совершались бы с такой же малой затратой времени и с такой же легкостью, с какой они при существующем строе делаются в какой-нибудь частной компании... Индивиды группировались в семьи, семьи – в общины, как и при существующем строе... общество было бы... большой акционерной компанией, составленной из бесконечного числа более мелких акционерных компаний, которые все трудились бы, производили и обменивали свои продукты на основе полнейшего равенства... новая система акционерных компаний, являясь лишь уступкой, сделанной современному обществу с целью перехода к коммунизму, допускает совместное существование индивидуальной собственности на продукты с общей собственностью на производительные силы; она ставит судьбу каждого индивида в зависимость от его собственной деятельности и дает ему равную долю во всех выгодах, доставляемой природой и успехами техники. Поэтому такая система может быть применена к обществу в его современном состоянии и может подготовить его к дальнейшим изменениям». Нетрудно видеть, что Брей описал систему СССР. В оуэновских коммунах он испробовал свою теорию. Оуэновские «рабочие книжки», в которых записывалось количество трудочасов, на которые рабочие могли отовариться в специальных обменных базарах предметами потребления, являются предвестниками «трудовых карточек» и талонов СССР.

Теперь прочтем у Маркса, почему социальные системы, основанные на принципах «равной оплаты за равный труд» и определения стоимостей товаров по издержкам их производства обречены на крах, а значит, приблизимся к пониманию причин краха СССР: «Рабочий час Петра обменивается на рабочий час Павла. Вот основная аксиома г-на Брея. Предположим, что Петр проработал 12 часов, а Павел только 6 часов; в таком случае Петр может обмениваться с Павлом только 6 часами, остальные же шесть часов останутся у него в запасе. Что сделает он с этими 6 рабочими часами? Или ровно ничего не сделает, и, таким образом, 6 часов пропали для него даром, или он просидит без работы другие шесть часов, чтобы восстановить равновесие, или, наконец, - и это у него последний исход – он отдаст эти ненужные ему шесть часы Павлу впридачу к остальным. ... что же... выигрывает Петр по сравнению с Павлом? Рабочие часы? Нет. Он выигрывает только часы досуга, он будет вынужден бездельничать в продолжении 6 часов. Чтобы это новое право на безделье не только признавалось, но и ценилось в новом обществе, это последнее должно находить в лениности величайшее счастье и считать труд тяжелым бременем, от которого следует избавиться во что бы то ни стало... Каждый захочет быть Павлом и возникнет конкуренция лениности, с целью достичь положения Павла... что же принес нам обмен равных количеств труда? Перепроизводство, обесценение, чрезмерный труд, сменяемый бездействием, словом, все существующие в современном обществе экономические отношения за вычетом конкуренции труда. Но нет, мы ошибаемся. Существует еще одно средство спасения для нового общества, общества Петров и Павлов... Равенство обмена было бы спасено только посредством прекращения всякого обмена: Павел и Петр превратились бы в Робинзонов» (Там же, с. 43-44).

Сталинисты создали систему «конкуренции лениности», систему перепроизводства, систему обесценения чрезмерного труда, сменяемого бездействием. Превратили население страны в Робинзонов. Господа, которые повторяют идейные установки Брея, толкают Россию на бесконечное повторение кругов ада... Сегодняшние последователи Брея мечтают распахать народ России по замкнутым кластерам-общинам, где бы многочисленные отряды бухгалтеров-счетоводов подсчитывал каждому его отработанные трудочасы, на которые тот обменивал бы свой индивидуальный минимально необходимый набор товаров и услуг. А чем существующие отношения в

сегодняшних акционерных компаниях РФ отличаются от того, что предлагал Брей в первой половине 19-го в.? Да практически ничем!»

Разумеется, ничего подобного в СССР, не было, никакого бесконечного числа мелких контор, никаких Робинзонов, никакого перепроизводства. Чрезмерный труд сменяется бездействием во всех странах, в Японии вынуждены доплачивать за равномерный труд. А современные акционерные компании в РФ здесь вообще ни при чем! И уж конечно никому в мире не придет в голову определять стоимость товара по издержкам – но весь мир включает издержки в стоимость.

Повременная система, которая существует во всем мире, работала и в СССР, и Петр, и Павел были обязаны работать одинаковое число часов. Что до трудочасов – их подсчитывают во всем мире!

Причем в СССР платили по-разному даже рабочим одного и того же разряда. Например, в Перми рабочий завода им. Дзержинского получал 7 коп. с рубля стоимости продукции, т.е. 7%, рабочий завода им. Ленина – 9%, рабочий завода им. Свердлова – 12 коп. Почему? Потому что рабочий высоких разрядов на заводе им. Свердлова был квалифицированнее рабочих тех же самых разрядов на заводах им. Ленина и им. Дзержинского. Следовательно, никакого сходства СССР с системой Брея нет, а есть сходство с системой Дюринга, и мы это отчетливо видели выше.

И трудовые карточки и талоны были и в развитых странах. Да и у Оуэна никаких замкнутых кластеров не было в помине. И не растаскивал Оуэн – наоборот, собирал рабочих в коммуны, это были крупные предприятия, и Энгельс пишет об этом. Выдумать чепуху, приписать эту чепуху кому-либо, а потом эту чепуху критиковать – это метод! Или автор статьи о Брее хочет неравной оплаты за равный труд? Сталинисты должны быть благодарны за такую нелепую критику.

А растаскивают рабочих либералы, прозападные профсоюзы, сталинисты из разных партийных конторок да нынешние псевдокоммунары, которые всерьез считают, что можно внутри изолированных территорий устроить маленькие коммунистические общества, ростки будущего, если хорошо друг к другу относиться.

1. Начнем с того, что никакого социализма в СССР не было, не было и троцкистского «переродившегося рабочего государства». Социализм по определению есть власть рабочего класса. И какой же рабочий класс соберется уничтожить миллионы невинных?

Например: в ноябре – декабре 1943 г. чекистские органы спровоцировали выступление группы ненцев, которые распустили колхозы, поделили общественных оленей и откочевали вглубь тундры. Эту ситуацию представили как восстание, организованное гитлеровской разведкой. На подавление “восстания” из Омска была отправлена рота автоматчиков. Собрав обманном путём безоружных ненцев, солдаты открыли по ним огонь: семеро было убито, и столько же ранено, оставшихся арестовали и увезли в Салехард. Там из 50-ти ненцев 41 умер от болезни и истощения. И так.

Давайте посмотрим, каким образом платить рабочему. Можно исходить из позиции отдельного рабочего Петра. Если он трудолюбив, он должен получать «по труду». Это и было лозунгом в СССР. Т.е. если рабочий проработал 12 часов, он должен получить А товаров, которые кто-то, пусть Павел, тоже сделал за 12 часов. Это обычная сделная форма оплаты, она существовала и до Октября 1917-го, и после него. Тони Клифф даже напрасно попенял Сталину, что он «ввел» сделщину, которая разобщила рабочих.

Но если Павел проработал лишь 6 часов, то Петр не сможет обменять – нет, не часы, а половину произведенного им товара, А/2. Он его может оставить у себя – продавать-то всё равно некому, ведь есть только Петр и Павел. Если есть такие же трудолюбивые, на первых порах Петр сможет толкнуть свой товар. Но ведь Павел производит общественно необходимый продукт, без него не обойтись, пусть он пьяница и забулдыга. Т.е. следующий трудолюбивый тоже останется с носом.

Как же быть? Давайте платить за равный труд либо меньше, либо больше. Это будет справедливо? Это будет просто глупо. И почему Маркс пишет, что у Брея – система воспитания бездельничания, а Энгельс говорит, что у Оуэна, стоящего на той же позиции, что и Брей, самый решительный коммунизм?

Больше того, Маркс пишет, что к коммунизму (социализму) система Брея не имеет никакого отношения, она имеет отношение к тому строю, который существовал в период жизни Маркса: «Итак, что же принес нам обмен равных количеств труда? Перепроизводство, обесценение, чрезмерный труд, сменяемый бездействием, словом, все существующие в современном обществе экономические отношения за вычетом конкуренции труда.»

И чем эквивалентнее будет обмен, добавляет он, тем изощренней обман.

Теперь посмотрим, что происходит в действительности в буржуазном обществе. Поскольку у Петра и Павла нет средств производства, никто им не позволит обмениваться друг с другом. Товар у них отберут и после потребления их рабочей силы отправят за проходные, наглядно продемонстрировав, что они отчуждены от продукта труда, средств производства и условий труда. Часть произведенного у капиталиста отберет государство в качестве налога – для пенсионеров, школьников, беременных, больных, армии, полиции и пр. Часть капиталист пустит на развитие производства. (То же самое будет и при диктатуре пролетариата, Маркс отчасти пишет об

этом в «Критике Готской программы».) Ни Петру, ни Павлу не видать самовольного распоряжения всей *своей* прибылью.

Далее в свою силу вступит рынок. Который даст сначала капиталисту, а потом трудолюбивому Петру денег вовсе не за 12 часов минус налог и развитие, а за 9 часов минус налог... Потом капиталисты соберутся вместе и назначат Петру с Павлом зарплату не больше, чем стоит их рабочая сила. Для восстановления, чтоб ее снова потребил капиталист.

Хуже: на завод поставят конвейер, и будут платить и сильному, и слабому одинаково. Производить-то они будут одинаково, но муки будут испытывать по-разному. Т.е. оплата, повторим – по овеществленному труду, по реализованному продукту, не по живому труду. По рынку, а не по коммунизму. Уравниловка! Не социализм ее породил, а капитал.

2. Маркс пишет о системе, развивающей атрофию к труду, лень и т.д. Но сам он в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» указывает на главную причину лени: труд рабочего – тяжелый, грубый, монотонный, оупляющий, обезличивающий. А Энгельс подчеркивает: буржуазия всегда готова обвинить рабочих в лени, пьянстве, беспорядочных половых связях.

Допустим, что рабочий не ценит себя дороже денег и захотел поработать сверх того или интенсивнее того. А кому капиталист продаст дополнительный товар?? Что будет, если рулей будет больше, чем кузовов, весел втрое больше, чем байдарок (кстати, последний случай однажды имел место в СССР)? И капиталист собирает консилиум: главного технолога, психолога и директора. Те выносят решение: уволить. Так и было на одном из французских заводов: оказалось, что рабочий в жажде наживы произвел больше деталей, но при этом нарушил технологию.

Что это означает? Что система оплаты при капитализме – плановая, что отражает производственный план. И так, еще раз: план – завоевание капитализма. А не социализма.

Система оплаты в СССР ничем не отличается от той, что в Великобритании или Франции. Те же тарифы, та же МРОТ (в США до распада СССР = 5 долл./час, затем на несколько лет снизилась). Те же тома нормативных справочников, тот же обман на каждом шагу. Если рабочие выторговывают у капиталиста один пункт, капиталист зажимает другой.

Значит, на Западе процветает безделье? Как-то французские рабочие «Рено» спросили меня, правда ли, что в России заводские рабочие бегают в течение смены по магазинам. Ну, по магазинам им никто бегать не даст. А вот в домино резаться на рабочем месте – пожалуйста. Незадолго до «пугча» сначала Сахаров, а потом либеральный «Выбор России» (Гайдар и пр.) призвал к всеобщей часовой забастовке. По стране, кроме редких продвинутых на голову рабочих, никто не откликнулся. Не доросли до высоких материй. Но рабочие завода им. Ленина в Перми сказали: «Ни Сахаров, ни Гайдар нас не интересуют. У нас свои дела и бастовать будем сами.» Совместно с объединением «Рабочий выработали требования, а на наше предложение бастовать не час, а после обеда работяги, похлопав по плечу, заявили: «Понимаете, вся работа сделана до обеда.»

А как же 12 часов Петра и Павла?? А вот как: в конце квартала – сверхурочные, за которые больше платят. При такой организации труда завод терял ежегодно 25 млн полновесных советских рублей и качество продукции.

На других заводах – система та же, выливается это дело в «черные» субботы и воскресенья.

Конечно, точно такие же «черные» субботы и воскресенья – в любой развитой кап. стране. При этом производительность труда в СССР в 80-е была лишь порядка 70% от производительности труда в США. Так ведь и получали в СССР рабочие от 7 коп. до 13 коп. с рубля произведенной стоимости (7% - 13%), а в развитых странах – 40%, а то и 60%. И возник этот лозунг «по труду» потому только, что, как говорил Ленин, «русский рабочий плохо орабочен». Был – и оставался плохо орабоченным до 1992 года. Пока его массово не уволили.

Кто виноват в сверхурочных? Система оплаты? Нет, виновата администрация, министерство, неспособные организовать труд. Это ее лень, а не рабочих.

Постойте, а как же то, о чем писал Маркс, чрезмерный труд и бездействие, перепроизводство и пр.? Неужто «там, это, у них», как говорил Райкин, даже зима сменяет лето «по системе», т.е. по плану? Как бы не так. Чтобы избавиться от излишней корысти капиталистов и, тем самым, от слишком трудолюбивого рабочего, и, тем самым, от перепроизводства и прочей анархии, придумали хеджирование, страхование рисков и прочее. И поплыли финансовые пузыри, и загрохотал по планете раздутый спекулятивный сектор экономики, и полетели в тартарары еврейские банки Федеральной резервной системы...

Можно еще применить способ, аналогичный подвешиванию клевера перед носом у быка. В начале 20 в. в Англии Макдональд снизил цену акции, чтобы ее могли купить рабочие. Рабочие почувствовали себя *партнерами*! И надолго застраховали своих хозяев от забастовок. В течение десятилетий до работяг доехало: надули, мошенники (как солнце из-за туч). Уже в начале 90-х прошлого века во Франции хозяева чуть ли не насильно заставляли рабочих брать акции бесплатно – никто уже не хотел.

3. Но все-таки – что же будет делать трудолюбивый сдельщик Петр со своими 12 часами, если он не хочет лениться? На что он потратит свои 6 часов, если повременик Павел произвел товар лишь на 6 часов? А ведь

сдельная форма оплаты труда преспокойно существует во всех странах! Никакими запасами или перераспределением от Павла его сверхдоход не объяснить. Неужели капиталист делится с Петром прибавочным продуктом? Нет, конечно. Всего товара произведено на $6 + 12 = 18$ часов, из них 4 часа – это стоимость рабочей силы Павла, 8 часов – стоимость рабочей силы Петра, 6 часов – прибавочный продукт.

Давайте, увеличим количество Петров. До бригады. Пусть бригада вводит коэффициенты трудового участия, оценивает качество и т.п. Кто-то в бригаде накопит излишки, напр., молоко или мясо, а холодильников и гаражей с ямами при Марксе еще не было. А кто-то недоест. В итоге – та же картина, что и с отдельными Петром и Павлом. Но как?!

Для разрешения вопроса нужны две бригады. Тогда Петр будет обмениваться со сдельщиком Петром-1 из второй бригады, а Павел – с повременщиком Павлом-1 из второй бригады.

Так что Маркс ошибся, увы. Критика Брея – в другом. И ведь она изложена у Маркса! Но в других текстах.

4. Если мы хотим жить по принципу «хорошо поработал – хорошо получил», мы вполне вписываемся в капиталистическую систему и никуда от нее не сбежим. Прогрессивный капиталист, пишет Маркс, хорошо обеспечит своего рабочего – для повышения конкурентоспособности продукта его труда. Рабочий в таком случае ничем не отличается от дрессированного осла, которому после хорошей работы дадут много овса и теплое стойло. А тому ослу, который ценит себя не дешевле сена, который ленится, тому ослу не достанется попоны и сунут гнилое сено. И дети этого осла, не получив хорошего платного воспитания, никогда не увидят попоны. В семье ткача могут появиться только ткачи. Но никак не физики с лириками. Тогда будет лень, перепроизводство и пр.

Если мы доверим капиталисту платить, как велит рынок, получим то же самое. Где же выход? Ведь требование рабочего участвовать в прибылях, как отмечал Ленин, хоть и содержит в себе зерно анархии, но справедливо?

Авто статьи о Брее ищет корень зла в сфере обмена, распределения. А она вторична, производна от сферы производства.

Мы рассматривали только ту часть прибыли, которая составляет оплату труда и соцкультбыт – чем заняты профсоюзы всего мира. Действительной задачей рабочего является овладение базой отношений собственности – средствами производства. Инструментом владения выступает та часть прибыли, которая идет на развитие производства – фонд развития производства (фонд накопления). Именно в этом суть социалистических преобразований – ведь рабочему надо устраивать такое производство, так развивать технологии, чтобы на заводах работали исключительно ИТР. Коренный интерес рабочего класса – в уничтожении классов, т.е. в уничтожении самого себя, как класса, занятого монотонным обезличивающим трудом, источником лени.

На выходе получаем построение Советов, как плановых органов, не из территорий, а с заводов, на которых – первичные Советы, СТК. То, о чем писала Рабочая оппозиция: Шляпников, Мясников, Коллонтай, и что в перестройку опошлил Горбачев.

Советы... Как? А где же коммунистическая партия? Отдельная каста, словами Сталина «орден меченосцев», стоящая над обществом и указывающая обществу, сколько ему работать?

Профессор ПГУ Михаил Сулов, отпетый сталинист, для обозначения анархии использует ярлычок «мясниковщина». Еще бы – если есть Советы, зачем его любимая КПСС. Напомню, что Ленин обозначил анархо-синдикализмом *политическое* явление. Т.е. в ТОТ момент времени. Мало того, что он критиковал не систему СТК, а передачу власти профсоюзам, он указывал, почему НА ДАННЫЙ момент это невозможно: потому что рабочий класс обескровлен, малочисленен, представляет хаотичную массу.

(Троцкий тоже скажет про хаотичную массу, но сделает из этого вывод, что профсоюзы должны стать приводными ремнями партии. На что Ленин заявляет, что массам достался в наследство бюрократический аппарат, что партийные чиновники – «коммунистическая сволочь», что в государственных кабинетах засели чиновники, «которые работают как дураки», что «наш аппарат – дерьмо» и т.д., а профсоюзы - не жалкие партии, а массовые профсоюзы – нужны как контролер, как оппозиция.)

Однако партия никуда не девается. Только речь идет не об обособленной группе. Маркс, Энгельс, Ленин пишут об организации ВСЕГО пролетариата в политическую партию.

Суть в другом: если центральные Советы обошлись без советской власти на заводах, то это абстрактные Советы, синтез из пустоты, как интернационализм, лишенный национальных начал. Это организация, оторванная от рабочего класса. Как и КПСС. Это означает, что рабочие отчуждены от управления, от отношений собственности на средства производства, всё это передоверено неподконтрольному госчиновнику.

Самоуправление не может сводиться к территориальному, территориальное самоуправление, как показала практика ОТОСов – фикция, обман трудящихся. Оно может быть только на основе заводского самоуправления. Почему рухнул СССР? КПСС надоела? Да нет: просто есть предел роста капиталистической монополии, когда аппарат не в состоянии охватить всё богатство растущих экономических отношений (Э. Никишина, Самара, 1988, Ф. Фукуяма, 2000). Неспособна оказалась администрация в таком сложном производстве организовать равномерный труд!

Государство в СССР, обойдясь без рабочих в управлении, таким образом, является единственным собственником основных средств производства. Совокупным капиталистом. Где отношения частной собственности становятся всеобщими. Есть при этом надстройка в виде хорошей правящей партии, нет ее – сути дела не меняет: собственность в руках государства в отсутствие политической власти рабочего класса (а ее по Сулову быть не может, потому что рабочий – баран, потому что «не может черномазый играть на рояле», потому что у рабочего в 1988 году за плечами только 3 класса церковно-приходской школы, а править должна любимая обосравшаяся партия) есть капитализм. Который г-н Дюринг назвал социализмом, за что его и критиковал Энгельс. Т.е в СССР и был социализм – по Дюрингу. Всё дело в том, что главный капиталист в СССР пожелал называть себя коммунистом.

Потому система Петра и Павла, которую приписывают только СССР, та же, что в любой капиталистической стране.

Нет, ну, если распоряжение (вовсе не владение, скажем, в 80-е у семьи Фордов - лишь 10% акций их предприятий) есть ведущее отношение собственности, если темные рабочие не могут быть политической властью, если всем заправляет – т.е. является по определению собственником, капиталистом - кучка «успешных» «коммунистических сволочей», как может называться этот строй?

Если суть капитализма – в прибыли, если цель капиталиста – прибыль, а она появляется только тогда, когда появляется новый тип товара, рабочая сила, т.е. институт ее найма, если в СССР преспокойно существовал институт найма, как еще можно назвать строй в СССР? Правильно, капитализмом.

Но, как мы видели, просто взятием власти, учреждением Советов - дела не решить. Необходимо ликвидировать доминирование абстрактного содержания в труде рабочего, заменить обезличивающий труд рабочего на труд автоматизированный, труд творческий. Об этом пишет Энгельс в «Антидюринге».

Таким образом, те, кто винит СССР в том, чего в СССР не было, кто призывает к свести интересы человека к вещному обогащению, а борьбу рабочих – к борьбе лишь за наиболее выгодные условия продажи рабочей силы, к тред-юниону, вполне устраивают буржуазию.

Эти обвинители не хотят понять, что угнетает не столько маленькая зарплата, но сам труд, который делает из человека обезьяну.

Это они призывали учредить личные пенсионные отчисления (автор статьи о Брее в их числе!), это они призывали создавать товарищества собственников жилья (ТСЖ) – соблазняя, что каждый станет собственником своего кусочка. Идеал, который навязывают рабочему такие критики сталинизма – это дача с огородом, машина, гараж. Так ведь такой идеал у рабочих существовал и в СССР! И потому подобные критики устраивают буржуазию – ибо мелкие буржуа всегда полезны буржуазии крупной.

Энгельс цитирует Маркса: «Теперь экспроприации подлежит уже не работник, сам ведущий самостоятельное хозяйство, а капиталист, эксплуатирующий многих рабочих. Эта экспроприация совершается игрой имманентных законов самого капиталистического производства, путём концентрации капиталов. Один капиталист побивает многих капиталистов. Рука об руку с этой концентрацией, или экспроприацией многих капиталистов немногими, развивается кооперативная форма процесса труда в постоянно растущих размерах, развивается сознательное технологическое применение науки, планомерная коллективная эксплуатация земли, превращение средств труда в такие средства труда, которые допускают лишь коллективное употребление, и экономия всех средств производства путём применения их как коллективных средств производства комбинированного общественного труда. Вместе с постоянно уменьшающимся числом магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса превращения, возрастает масса нищеты, угнетения, рабства, деградации, эксплуатации... Капиталистический способ производства и присвоения, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Отрицание капиталистического производства производится им самим с необходимостью естественного процесса. Это - отрицание отрицания» («Антидюринг», ПСС, М., Госполитиздат, 1961, Т. 20. С. 137-138).

«Средневековые мистики, - отмечает Энгельс, - мечтавшие о близком наступлении тысячелетнего царства, сознавали уже несправедливость классовых противоположностей» (Там же. С. 161).

Мелкий буржуа не хочет видеть несправедливость классовых отношений в СССР, он видит только ту несправедливость, что рабочему ослу не дают достаточно свежего сена и не укрывают теплой попонкой.

И нет никакого сомнения, что современные либералы списывают у Дюринга тему насилия, военного принуждения, характеризуя способ производства в СССР.

«Г-н Дюринг, - отвечает им Энгельс, - стало быть, ставит на голову действительное отношение, называя современную (капиталистическую, Б. И.) собственность насильственной собственностью и характеризуя её как «такую форму господства, в основе которой лежит не только отстранение ближнего от пользования

естественными средствами существования, но, что ещё гораздо важнее, принуждение человека к подневольной службе»... В самом деле, что оказывается «первичным» в самом насилии? Экономическая мощь, обладание мощными средствами крупной промышленности» (Там же. С. 166).

См. сайт <http://shtirner.ru/>

Пермь, 4.10.2010, 11.11.2018